

УДК 343.3

К вопросу о наказании за насильственные преступления, предусмотренные ст. 317 и 318 УК РФ

О. Н. РЯБЧЕНКО – старший преподаватель кафедры экологического, аграрного и природоресурсного права Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук

В статье анализируются санкции за насильственные преступления против порядка управления, предусмотренные ст. 317 и 318 УК РФ, а также практика назначения судами уголовных наказаний за совершение соответствующих деяний, выявляются связанные с этим основные тенденции в пенитенциарной сфере, формулируются предложения по совершенствованию санкций ст. 318 УК РФ.

Ключевые слова: преступления против порядка управления; назначение наказания; судебная практика; лишение свободы; санкция.

On the issue of punishment for violent crimes provided for in Art. 317 and Art. 318 of the Criminal Code

O. N. RYABCHENKO – Senior Lecturer of the Department of Ecological, Agrarian and Natural Resources of the Udmurtiya State University, PhD. in Law

The article analyzes sanctions for violent crimes against order of management, stipulated by Art. 317 and Art. 318 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the practice of appointing by the courts criminal penalties for their commission. The basic tendencies of penitentiary practice are revealed. Suggestions are made to improve the sanctions of Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: crimes against order management; sentencing; litigation; imprisonment, sanction.

Назначение наказания является важнейшим этапом правоприменительной деятельности, во многом завершающим сложный процесс социальной и правовой оценки совершенного лицом общественно опасного поступка. Значимость законного и эффективного наказания признается всеми без исключения: специалистами в области уголовного права, политиками, простыми гражданами. Большой вклад в дело формирования практики назначения наказания вносит высшая судебная инстанция. В

постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹ особо подчеркивается, что справедливое наказание способствует решению задач и осуществлению целей, определенных в ст. 2 и 43 УК РФ, а в постановлении от 29.10.2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»² отмечается, что установленный законом порядок назначения уголовных на-

казаний является важной гарантией реализации принципов законности, справедливости и гуманизма.

В связи с этим следует признать, что изучение практики назначения уголовных наказаний должно составлять одно из приоритетных направлений научных исследований и выступать областью постоянного профессионального мониторинга. Нельзя сказать, что соответствующая работа не ведется. Суды регулярно публикуют обзоры и обобщения практики, акцентируя внимание на типичных недочетах и ошибках, выходят в свет серьезные научные исследования. Между тем, на наш взгляд, в отечественной науке работ по проблемам назначения наказаний за отдельные виды преступлений крайне мало. Что касается научного исследования вопросов назначения наказания за преступления против порядка управления, то оно вовсе представлено единичными публикациями К. А. Долгополова и А. Р. Саруханяна³. Очевидно, что эти труды не охватывают всего комплекса возникающих вопросов и служат лишь первым опытом погружения в тему.

Исходя из вышесказанного обращение к анализу практики назначения наказания за такую относительно самостоятельную группу деликтов, как насильственные преступления против сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, видится и оправданным, и необходимым. Для изучения вопроса в качестве источников первичной научной информации были взяты размещенные в свободном доступе на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации статистические данные о состоянии и динамике судимости в стране (формы статистического наблюдения № 10.3 и 10.3.1). Глубина наблюдения составила 6 лет (2010–2016 гг.), что вполне достаточно и для формулирования репрезентативных выводов, и для определения некоторых тенденций в развитии правоприменительной практики. Удлинение временного лага с учетом динамики санкций уголовного закона, активации новых видов уголовных наказаний может исказить суть тенденций и привести к некорректным выводам. В качестве объекта исследования выступила практика назначения наказания, прежде всего, за два преступления, предусмотренные ст. 317 и 318 УК РФ.

Ежегодно за совершение рассматриваемых деяний обвинительный приговор выносится 7–8 тыс. чел., причем в последнее

время обнаруживается рост этого показателя (см. табл. 1).

Таблица 1
Динамика осужденных за насильственные преступления против порядка управления

Статьи УК РФ	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.
317	37	53	40	104
318, ч. 1	6008	5453	6685	7089
318, ч. 2	940	861	966	930

Рост преступных посягательств в отношении представителей власти, который сам по себе должен стать предметом пристального криминологического наблюдения, может объясняться весьма широким спектром причин – от активной и бескомпромиссной работы представителей власти до активизации протестных настроений на фоне увеличения бюрократического аппарата и его неэффективности.

В нашу задачу не входят детальное исследование и оценка этой тенденции (причины, последствия, связь с социально-экономическим и политическим развитием страны и др.). Важно просто зафиксировать тот факт, что преступления против субъектов управления получают все большее распространение, и учитывать его при оценке практики назначения уголовных наказаний за соответствующие деликты.

Вопрос о допустимости и пределах влияния криминологической ситуации на процесс и результат назначения наказания дискусионен. Так, по мнению А. Д. Соловьева, «значительная часть ошибок при назначении наказания объясняется именно тем, что суды не всегда учитывают состояние преступности, распространенность того или иного вида преступлений в данной области, городе, районе»⁴. Эту точку зрения разделяют и другие авторы⁵. В то же время Е. В. Благов выступает с критикой такой идеи, указывая, что «человека нельзя наказывать, принимая во внимание то, что он не совершал. Иное противоречит как принципам вины и справедливости (ст. 5 и 6 УК РФ), так и основанию уголовной ответственности (ст. 8), которые законодатель связывает лишь с деянием данного лица»⁶.

Представляется, что в этом споре истина находится посередине. Дело в том, что закон не содержит и по определению не может содержать указаний на необходимость учета при индивидуализации наказания конкретному лицу обстоятельств, не связанных непосредственно с совершенным им преступлением и личностью виновного. Иное, как

правильно пишет Е. В. Благов, противоречит принципиальным установкам отрасли уголовного права. Но, с другой стороны, жесткость уголовной репрессии должна быть связана с тенденциями преступности. Общая закономерность здесь понятна: чем больше совершается деяний, тем жестче должно быть наказание для того, чтобы обеспечивать общепреventивный эффект. Вопрос состоит в том, как эти две позиции примирить.

Представляется, что ключ к решению проблемы лежит в разведении таких правовых процессов, как пенализация и назначение наказания. При назначении наказания учитывается только то, что описано в законе и что относится к конкретному преступлению. В процессе же конструирования санкции на правотворческом уровне спектр подлежащих учету факторов значительно шире. Правы исследователи, когда пишут: «Конструирование санкции – самостоятельная задача, в решении которой принимается в расчет не только опасность деяния, но и иные факторы, не связанные с характеристикой отдельного поведенческого акта, но

тяготеющие к области социальных и политических отношений (степень распространенности деяния, политические интересы, состояние бюджета и пр.)»⁷. Учитывая это, распространенность тех или иных преступлений может и должна приниматься во внимание в наказательной практике, но не на уровне принятия решения по конкретному делу, а на уровне уголовной политики, при определении, какой должна быть санкция за то или иное преступление.

Изложенное не дает оснований для формулирования вывода о необходимости коррекции санкций, ибо понятно, что распространенность преступлений является лишь одним из многих факторов, которые надо учитывать при их конструировании. Для того чтобы дать оценку существующей сегодня системе наказаний за преступления против порядка управления, необходимо рассмотреть и сами эти санкции, и практику назначения уголовных наказаний.

Анализ показывает, что самым подходящим наказанием за исследуемые деликты, по мысли законодателя, является лишение свободы (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение наказаний в санкциях

Статьи УК РФ	Смертная казнь, пожизненное лишение свободы	Лишение свободы	Арест	Принудительные работы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф	Количество наказаний	Максимальный срок лишения свободы
317	+	+							2	20
318, ч. 1		+	+	+				+	4	5
318, ч. 2		+							1	10

Если принять во внимание, что арест на сегодняшний день не назначается, а принудительные работы начали применяться только с января 2017 г. (и то, как показывает практика, объемы их использования пока крайне незначительны ввиду нехватки специальных учреждений и проблем с опреде-

лением их правовой природы), то становится очевидным, что единственно возможным наказанием в санкциях норм о насильственных преступлениях против субъектов управления является лишение свободы.

Практика закономерно подтверждает этот вывод (см. табл. 3).

Таблица 3

Назначение наказания за преступления против порядка управления (удельный вес за исключением условно осужденных)

Статьи УК РФ	Пожизненное лишение свободы	Лишение свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф
317	5,1	94,9	–	–	–	–
318, ч. 1	–	35,2	0,1	0,2	0,2	64,3
318, ч. 2	–	97,5	0,1	0,4	0,1	1,9

Разумеется, такое распределение обусловлено абсолютными цифрами, степенью распространенности отдельных преступле-

ний против порядка управления и особенностями санкций, а потому нуждается в уточнении и дифференцированной оценке. В

частности, надо иметь в виду, что за преступления, связанные с применением серьезного насилия в отношении представителей власти, лишение свободы назначается в более чем 90 % случаев, что свидетельствует о совпадении законодательной и судебной оценки общественной опасности преступлений против субъектов управления.

Итак, лишение свободы и по мысли законодателя, и согласно данным судебной статистики является оптимальным наказанием за совершение насильственных преступлений против представителей власти. Санкции в соответствующих нормах достаточно высокие и более строгие, нежели за преступления, связанные с причинением аналогичного вреда рядовым гражданам.

Это стало поводом для оспаривания соответствующих уголовно-правовых норм в Конституционном Суде Российской Федерации. В частности, граждане ставили вопрос о соответствии санкций ст. 317, 318 УК РФ, Конституции Российской Федерации, указывая на то, что их размер не соответствует санкциям общеуголовных аналогов и потому нарушается принцип равенства⁸. Суд всегда отказывал в принятии таких жалоб, поясняя, что федеральный законодатель предусмотрел более строгое наказание за применение насилия в отношении такой категории лиц, как представители власти, в полной мере реализуя предоставленные ст. 71 Конституции Российской Федерации полномочия в сфере регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина (п. «в»), а также уголовного законодательства (п. «о»).

Весьма остро вопрос о конституционности санкции встает при анализе ст. 317 УК РФ, поскольку последняя предусматривает возможность назначения высшей меры наказания за деяние, которое, согласно конструкции объективной стороны, может быть выражено в покушении на убийство представителя власти. Учитывая это, А. В. Седых, например, пишет, что «составы посягательства, предусмотренные ст. 277, 295 и 317 УК РФ, не согласуются с общенормативным определением оконченного преступления и покушения на преступление и поэтому не обеспечивают необходимой дифференциации уголовной ответственности в зависимости от наступивших последствий. Назначение длительных сроков наказания в виде лишения свободы, а тем более пожизненного лишения свободы, при нереализованном умысле противоречит принципу справедливости»⁹.

Сомнения подобного рода также рассматривались Конституционным Судом Российской Федерации. В частности, гражданин Тимирбулатов в своей жалобе ставил вопрос о конституционности санкции ст. 317 УК РФ и ее соответствии требованиям ст. 66 УК РФ о недопустимости назначения смертной казни и пожизненного лишения свободы за покушение на преступление. Однако суд в определении от 19.02.2003 г. № 72-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимирбулатова Салаудина Хасмагоматовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 57 и статьей 317 Уголовного кодекса Российской Федерации» указал, что установление в санкции ст. 317 УК РФ наказания в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы уже за саму попытку лишения жизни не порождает неопределенности с точки зрения согласованности этой санкции с положением ч. 4 ст. 66 УК РФ, поскольку установленный ею запрет назначения в качестве наказания пожизненного лишения свободы относится лишь к приготовлению и покушению на особо тяжкие преступления против жизни и не касается оконченных преступлений. Кроме того, уголовный закон, предусматривая в санкции ст. 317 УК РФ наказания в виде лишения свободы, смертной казни или пожизненного лишения свободы, а также допуская возможность назначения в порядке ст. 64 УК РФ более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, позволяет суду дифференцированно решать вопрос о наказании лица, совершившего преступление, в том числе в зависимости от того, наступила или нет в результате этих действий смерть потерпевшего.

Таким образом, сами по себе повышенные санкции за насильственные преступления против представителей власти не являются свидетельством неравенства в защите лиц различной профессиональной и социальной принадлежности хотя бы потому, что защищают эти санкции не лиц как таковых, а порядок управления – принципиально иной по содержанию объект. Главное, чтобы эти повышенные санкции были адекватны и этому объекту, и характеру посягательства на него. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого

они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств»¹⁰. Принцип соразмерности, выражающий требования справедливости, предполагает установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного,

размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания¹¹.

Рассматривая вопрос о наказаниях за насильственные преступления против представителей власти нельзя обойти стороной проблемы их соотношения с наказаниями, назначаемыми по аналогичным общеуголовным статьям. Имеющиеся данные свидетельствуют, что первые закономерно являются более жесткими (см. табл. 4).

Таблица 4

Сравнение наказаний, назначенных судом
(удельный вес от общего числа наказанных, 2016 г.)

Статьи УК РФ	Пожизненное лишение свободы	Лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Исправительные работы	Обязательные работы	Штраф	Условное осуждение к иным мерам	Освобождение от наказания
317	8,7	91,3	0,5	–	–	–	–	–	–
105, ч. 2	3,7	95,7	–	–	–	–	–	–	–
318, ч. 1	–	20,3	46,1	0,1	0,1	0,1	32,9	–	0,4
116	–	2,7	5,9	3,4	15,3	40,3	25,7	3,5	3,2
318, ч. 2	–	48,7	50,3	0,1	0,2	0,1	0,4	–	0,2
111, ч. 2; 112, ч. 2; 115, ч. 2 (среднее)	–	39,6	34,4	4	5,2	13,5	0,4	1,3	1,6

Сведения в таблице подтверждают, что лишение свободы является доминирующим видом, причем масштабы его применения демонстрируют тенденцию роста. Если в общем массиве осужденных за все преступления удельный вес наказанных лишением свободы сокращается и стабилизируется на уровне 29–32 %, то среди осужденных за насильственные преступления против представителей власти он увеличивается: за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 318 УК РФ, – с 18,7 % в 2010 г. до 20,3 % в 2016 г., а за преступление, предусмотренное ч. 2

ст. 318 УК РФ, – с 37,9 % до 48,7 % соответственно. Это подтверждает известный тезис о предпочтительности именно лишения свободы как самого строгого наказания за преступления, связанные с причинением вреда здоровью человека, и в определенной мере является свидетельством влияния выявленной ранее тенденции роста насильственных преступлений на назначаемые судом виды и размеры уголовных наказаний. Однако следует отметить, что судебная практика весьма осторожно подходит к выбору размера наказания в виде лишения свободы (см. табл. 5).

Таблица 5

Сроки лишения свободы

Статьи УК РФ	2010 г.								2016 г.							
	Всего	До 1 года включительно	Свыше 1 года до 3 лет включительно	Свыше 3 до 5 лет включительно	Свыше 5 до 8 лет включительно	Свыше 8 до 10 лет включительно	Свыше 10 до 15 лет включительно	Свыше 15 до 20 лет включительно	Всего	До 1 года включительно	Свыше 1 года до 3 лет включительно	Свыше 3 до 5 лет включительно	Свыше 5 до 8 лет включительно	Свыше 8 до 10 лет включительно	Свыше 10 до 15 лет включительно	Свыше 15 до 20 лет включительно
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
317	37	–	–	1	8	2	19	7	95	0	0	2	9	16	44	24

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
318, ч. 1	1 124	350	729	45	–	–	–	–	1 436	459	949	28	–	–	–	–
318, ч. 2	356	4	89	162	101	–	–	–	453	53	226	159	15	–	–	–

В то время как санкция ст. 317 УК РФ устанавливает пределы этого наказания в диапазоне от 12 до 20 лет, 74,7 % приговоренных к лишению свободы в 2016 г. был установлен срок не выше 15 лет, при максимуме наказания в пять лет по ч. 1 ст. 118 УК РФ у 98,5 % осужденных он не превысил трех лет, при максимуме в десять лет по ч. 2 ст. 118 УК РФ у 96,7 % – пяти лет. Иными словами, в большинстве случаев наказание в виде лишения свободы назначается судами в пределах нижней половины санкции. Этот тренд является весьма устойчивым как во временном отношении, так и в пространстве различных статей уголовного закона. Как представляется, на его основе можно сделать два основных вывода: во-первых, об относительно высоких размерах санкций в уголовном законе, которые для усиления общепреventивного эффекта не нуждаются в ужесточении; во-вторых, о том, что показатели индивидуальной опасности отдельных преступлений всегда менее выражены по сравнению с обобщенными показателями опасности преступлений некоторого вида, поскольку корректируются данными о личности виновного и смягчающими обстоятельствами. Если размеры санкции устанавливаются с учетом показателей опасности потенциально возможных экстраординарных случаев и имеют в значительной степени уголовно-политическое, демонстрационное значение, то практика назначения наказания фиксирует опасность типовых, стандартных преступлений соответствующего вида. Главное, на наш взгляд, состоит в том, чтобы между нормативной и судебной оценкой опасности преступлений не было большого разрыва, который способен негативно отразиться на общественной оценке и правотворчества, и правоприменения.

В связи с этим, полагаем, есть все основания к тому, чтобы сократить имеющийся сегодня существенный разрыв между максимальным и минимальным наказанием в виде лишения свободы в санкциях исследу-

емых статей. К тому есть два пути: снизить максимальный или увеличить минимальный размер наказания. Первый представляется заведомо бесперспективным, учитывая имеющиеся параметры санкций за общеуголовные преступления, признанную опасность преступлений против порядка управления и отсутствие в ряде случаев в санкции указания на минимальный срок лишения свободы. Второй вариант, на наш взгляд, более приемлемый.

Напомним, что реформа уголовного закона, согласно которой из санкций значительной части статей УК РФ было исключено указание на минимальный срок лишения свободы, вызвала неоднозначную и во многом негативную оценку специалистов¹². Действительно, в ситуации, когда минимальный размер лишения свободы определяется положениями Общей части УК РФ и составляет два месяца, при максимуме наказания в десять и даже пять лет, разрыв становится неоправданно большим, что создает условия для злоупотребления судебским усмотрением.

С учетом сказанного представляется, что в санкцию ч. 1 ст. 318 УК РФ следует внести изменение, установив минимальный размер наказания в виде лишения свободы в два года (это обусловлено тем, что два года составляют максимальную санкцию за побои (ст. 116 УК РФ), которыми, собственно, ограничена объективная сторона деяния в ч. 1 ст. 318 УК РФ). Санкцию ч. 2 ст. 318 УК РФ также стоит скорректировать, установив минимальный размер наказания в виде лишения свободы на уровне двух лет (это будет соответствовать санкциям ч. 1 ст. 318 и ч. 2 ст. 115 УК РФ, где максимальное наказание составляет два года лишения свободы). В санкцию ст. 317 УК РФ внесение изменений не представляется необходимым, поскольку минимальный срок лишения свободы в ней (12 лет) выше аналогичного минимального срока, установленного в ч. 2 ст. 105 УК РФ (8 лет).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

² См.: Там же. 2010. № 1.

³ См.: Долгополов К. А., Саруханян А. Р. К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против порядка управления // Вестник Российской правовой академии. 2014. № 2. С. 54–60; Они же. Проблемы назначения наказания за

¹ См.: Bülleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2016. № 2.

² См.: Там же. 2010. № 1.

³ См.: Dolgoplov K. A., Saruhanjan A. R. K voprosu o sankcijah ugovolno-pravovyh norm, reglamentirujushhih ugovolnuju otvetstvennost' za prestuplenija protiv porjadka upravlenija // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2014. № 2. S. 54–60; Oni zhe. Problemy naznachenija nakazaniya za

отдельные преступления против порядка управления // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 4 (8). С. 217–224.

⁴ Соловьев А. Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 25.

⁵ См., напр.: Филимонов В. Д. Влияние распространенности преступления на размер уголовного наказания // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сб. ст. Томск, 1985. С. 185–186; Непомнящая Т. Формализация назначения наказания // Уголовное право. 2006. № 4. С. 47–51.

⁶ Благоев Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 321.

⁷ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. М., 2017. С. 380.

⁸ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Асеева Павла Витальевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 и статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьей 317 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1217-О-О от 23.09.2010 г. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision44159.pdf> (дата обращения: 06.07.2017); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Дмитрия Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации № 85-О-О от 28.05.2009 г. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision6550.pdf> (дата обращения: 06.07.2017).

⁹ Седых А. В. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 8.

¹⁰ По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 г. № 8-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 4.

¹¹ См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.1999 г. № 11-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 5.

¹² См.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Трансформация санкций уголовного закона: проблемы уголовно-правовой теории, судебной практики и уголовной политики // Российское правосудие. 2012. Спецвыпуск; Наумов А. В. О предполагаемом исключении нижних пределов санкций статей УК РФ об ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/726.html> (дата обращения: 08.07.2017) и др.

otdel'nye prestuplenija protiv porjadka upravlenija // Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta. 2013. № 4 (8). S. 217–224.

⁴ Solov'ev A. D. Voprosy primeneniya nakazaniya po sovetskomu ugovolnomu pravu. M., 1958. S. 25.

⁵ Sm., napr.: Filimonov B. D. Vlijanie rasprostranennosti prestuplenija na razmer ugovolnogo nakazaniya // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava na sovremennom etape : sb. st. Tomsk, 1985. S. 185–186; Nepomnjashhaja T. Formalizacija naznachenija nakazaniya // Ugovolnoe pravo. 2006. № 4. S. 47–51.

⁶ Blagov E. V. Primenenie ugovolnogo prava (teorija i praktika). SPb., 2004. S. 321.

⁷ Babaev M. M., Pudovochkin Ju. E. Rossijskaja ugovolnaja politika i ugovolnyj zakon: opyt kriticheskogo analiza. M., 2017. S. 380.

⁸ Sm.: Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Aseeva Pavla Vital'evicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'ju vtoroj stat'i 63 i stat'ej 252 Ugovolno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe stat'ej 317 Ugovolnogo kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1217-O-O ot 23.09.2010 g. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision44159.pdf> (data obrashhenija: 06.07.2017); Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Fomina Dmitrija Vasil'evicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'ju vtoroj stat'i 318 Ugovolnogo kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii № 85-O-O ot 28.05.2009 g. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision6550.pdf> (data obrashhenija: 06.07.2017).

⁹ Sedyh A. V. Posjagatel'stvo na zhizn' gosudarstvennogo ili obshhestvennogo dejatelja po ugovolnomu pravu Rossijskoj Federacii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2007. S. 8.

¹⁰ Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenija chasti pervoj stat'i 188 Ugovolnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhaloboj grazhdanki M. A. Aslamazjan : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.05.2008 g. № 8-P // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2008. № 4.

¹¹ Sm.: Po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nyh polozhenij Zakona RSFSR «O Gosudarstvennoj nalogovoj sluzhbe RSFSR» i Zakonov Rossijskoj Federacii «Ob osnovah nalogovoj sistemy v Rossijskoj Federacii» i «O federal'nyh organah nalogovoj policii» : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15.07.1999 g. № 11-P // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 1999. № 5.

¹² Sm.: Babaev M. M., Pudovochkin Ju. E. Transformacija sankcij ugovolnogo zakona: problemy ugovolno-pravovoj teorii, sudebnoj praktiki i ugovolnoj politiki // Rossijskoe pravosudie. 2012. Specvypusk; Naumov A. V. O predpolagaemom isključenii nizhnih predelov sankcij statej UK RF ob otvetstvennosti za tjazhkie i osobo tjazhkie prestuplenija. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/726.html> (data obrashhenija: 08.07.2017) i dr.